

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Е.Ю.ГЕРАСИМОВА

СОВЕТСКАЯ КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА

Жилье воспринимается как пространство личной, семейной жизни, индивидуального потребления, отдыха, иногда работы, и в социологии рассматривается, в основном, как один из индикаторов статуса. Такой подход, характерный для марксистской, веберианской, структурно-функционалистской традиций, предполагает изучение социально-пространственной сегрегации и неравномерности распределения жилья между разными социальными группами¹. В отличие от представителей этого подхода, Н.Элиас рассматривал не только иерархию мест жительства как отражение социальной иерархии, но и внутреннюю структуру дома как показатель социальных структур [4]. Еще более фокусированы на внутреннем устройстве дома социально-антропологические исследования. Классическим примером такого исследования является работа П.Бурдые о кабильском доме [5], которая послужила эмпирической базой для концепции *habitus*'а и логики практики. На этнографическом материале Бурдые показал, каким образом *habitus* (предрасположенность действовать определенным образом в определенных ситуациях)

Герасимова Екатерина Юрьевна – научный сотрудник Центра независимых социологических исследований, аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге. **Адрес:** 191875 Санкт-Петербург, ул. Фурманова 3. **Телефон/факс:** (812) 321-10-66; **Электронная почта:** katja@indepsores.spb.org

Автор благодарит за помощь в работе над статьей В.В. Волкова, Д.А. Александрова, Т.С. Бараулину, В.М. Воронкова, Л. Кауфман, С.А. Чуйкину и других коллег.

Интервью проведены в рамках проекта М.А. Витухновской “Старые” и “новые” ленинградцы”. Информантами были люди, проживавшие в Ленинграде в 20-30-е годы – уроженцы города и мигранты. Семейные истории, которые использовались автором, были любезно предоставлены автором проекта “Ассимиляция дворян в большом городе (1917-1941)” С.А. Чуйкиной.

¹ Обзор теорий стратификации см. в [1, 2, 3].

формируется через структуру *habitat* (жилища). Встроенность тела в пространство дома и семиотика этого пространства порождают определенные навыки мышления и действия, воспроизводящие фундаментальные схемы культуры. Так, кабилский дом организован по принципу разделения на светлое-темное, мужское-женское, открытое-секретное, и весь мир в представлении кабиллов имеет подобную структуру. Поэтому и во внешнем мире они действуют, ориентируясь на образцы поведения, принятые в соответствующей части дома. Структура жилища и взаимоотношения между человеком, его телом и домом являются важным компонентом организации повседневности. Жилье для каждого человека – это жизненно важная категория, которая связана со множеством отношений и “практик”, начиная от воспитания детей и заканчивая отношениями с соседями. Дом является тем пространством, где протекает обыденная жизнь с ее проблемами, радостями, уловками и компромиссами. Ассоциация дома с частной жизнью складывалась в сознании европейцев в течение последних пяти столетий. “Приватизация” дома – это часть общего процесса “приватизации жизни” [6], происходившего в западноевропейских странах в XV-XIX веках и означавшего все большее и большее обособление индивида сначала от государства, потом от общества, понимаемого как общественная солидарность, а потом и от семьи. Ассоциирующийся с приватностью, дом оказывается вне государственной власти (неприкосновенность жилища) и публичности (по словам И.Гоффмана, дом – это кулисы). Но это не значит, что он исключен из процесса создания и воспроизводства социального порядка. Жилье является значимым пространством, в котором устанавливаются правила жизни в определенном обществе.

В Советском Союзе жилищная проблема была всегда одной из самых острых. Жизненные стратегии многих людей зависели от “жилищного вопроса”. Советские люди ехали работать на Север, чтобы получить квартиру без очереди, вступали в фиктивные браки, чтобы получить прописку, рожали детей, чтобы встать на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий. Горожане жили годами в семейных общежитиях и коммунальных квартирах. Именно коммунальным квартирам Петрограда-Ленинграда-Петербурга посвящена эта статья².

Сейчас в Петербурге 13,7% квартир остаются коммунальными, и в них живет 23,8% жителей города [10]. “Коммунальная квартира – квартира, расположенная в доме государственного жилищного фонда Санкт-Петербурга или муниципального жилищного фонда,.. в которой проживает несколько нанимателей”. Такое определение коммунальной квартиры дается в законе “О предоставлении освободившихся жилых помещений в коммунальных квартирах в Санкт-Петербурге”, принятом Законодательным собранием Санкт-Петербурга 12 февраля 1997 г. [11]. Но коммунальная квартира – это больше, чем юридическое понятие. Это форма сожительства чужих людей,

² Об истории, антропологии, социологии коммунальных квартир см. работы [7, 8, 9].

не известная другим странам, проблема для нынешних городских властей, самое непрестижное жилье, часть истории советской повседневности.

В статье рассматриваются два вопроса. Как в Ленинграде возникли коммунальные квартиры? Какую роль играл этот тип жилья в создании и воспроизводстве социального порядка, воплощенного в советской повседневности? В качестве материала используются документы и публикации преимущественно довоенного времени, а также интервью и мемуары.

Проекты 20-х годов: “жилищный передел” и дома-коммуны

С приходом к власти большевиков и отменой частной собственности в городах [12] весь жилищный фонд перешел в муниципальную собственность. Государство в лице местных советов впервые в истории получило возможность определять, какое, где, когда, кому можно строить жилье, и кто, где и с кем может жить. Период с октября 1917 до 1921 г. характеризуется как “эпоха раздачи жилья по классовому признаку”³. Пафос “жилищного передела” выразился в лозунге “Дворцы – рабочим!”. Следуя проекту Энгельса об обязательной экспроприации квартир у эксплуататоров при завоевании политической власти, чтобы “помочь нужде в жилищах” [14], под угрозой конфискации имущества владельцы двух богатых квартир обязываются освободить одну из них “на нужды бедного населения”. Богатой считается “всякая квартира, в которой число комнат равняется или превышает число душ населения, постоянно живущего в этой квартире” [15]. Это положило начало “самоуплотнению” богатых и образованию родственных коммунальных квартир. В марте 1918 г. начинается уплотнение “пролетарским элементом” “буржуев” – лиц, живущих доходами от капитала, или владеющих торговыми, промышленными предприятиями с наемным трудом”. Основной характеристикой жилищных условий в это время становится жилищная обеспеченность – количество квадратных метров площади на человека.

Понятие жилплощади появилось еще в царской России, а в России советской стало не просто индикатором качества жилищных условий, но основой нормирования пространства. Установление нормы жилплощади, положенной взрослому индивиду, было выходом из трудного положения, в котором оказались власти после отказа от рыночных отношений. Если раньше каждый имел то жилье, за которое мог платить, то теперь было необходимо найти критерий раздачи жилья, независимый от экономического статуса. Таким критерием стали биологические потребности организма в определенном пространстве, объеме воздуха, чистоте, сухости и т. п., которые устанавливались специалистами по социальной санитарии и гигиене. Так, “гигиена установила, что минимальный объем воздуха” на одного взрослого должен равняться 20 кубическим метрам, перенаселенность ведет к “повышенной заболеваемости и смертности” и т. п. [16]. Социально-структурные факторы “снимаются”, все люди уравниваются как биологические существа. На этой

³ Подробнее о “жилищном переделе” см. публикацию [13].

основе начинается построение новой системы привилегий и льгот в отношении распределения жилья, отражающей формирование новой социальной структуры. В 1919 г. Наркомздрав утвердил санитарную норму жилой площади – 18 квадратных аршин на человека. Идеальным вариантом расселения считались дома-коммуны. Идеи социалиста Оуэна и английского инженера Говарда о фаланстере (прообраз дома-коммуны) и городах-садах удачно интегрировались в большевистскую идеологию.

Дома-коммуны появились в 1918-1919 годах. В 1922 г. в Петрограде в 51 доме были организованы коммуны. Они должны были представлять собой островок воплощаемой утопии, “социализм в одном здании”⁴. Предполагалось, что дома-коммуны будут образцовыми домами для трудящихся, школой коллективизма, освободят женщину от рабского домашнего труда, привлекут людей к самоуправлению, будут способствовать отмиранию семьи и переустройству быта. Они представлялись как здание на 5000 человек, с комнатной системой, общей кухней на каждом этаже, библиотекой, театральным залом, прачечной и т. д. [18].

В конце 20-х годов с новой силой разгорелась дискуссия о том, какими должны быть рабочие жилища. Большинство архитекторов, инженеров, социологов, участвовавших в этих дебатах, отстаивали идею строительства домов-коммун для рабочих. Аргументы были следующие. Во-первых, обновление быта в старых домах невозможно: “приходится строить новый быт в старых жилищах. Полученный в наследство от старого строя жилищный фонд насквозь пропитан замшелой стариной переживших свою экономическую эпоху форм быта – каждый дом строился с таким расчетом, чтобы всякая семья имела возможность вести совершенно изолированное домашнее хозяйство” [19]. Поэтому для коллективизации быта необходимо развернуть строительство домов нового типа. Во-вторых, играли определенную роль и экономические соображения: считалось, что “коллективные жилища” дешевле. Экономический совет в 1927 г. Постановил “обратить внимание ведомств РСФСР, ... осуществляющих рабочее жилищное строительство, на целесообразность проведения в жизнь строительства типов домов с коллективным использованием вспомогательной площади (как-то: кухни, столовой, ваннных, прачечных и пр.)” [20].

Экономические требования совпадали с идеологическими декларациями: социалистический город должен преодолевать противоположность города и деревни, быть рационально организован, ориентирован на производство и, главное, – противостоять капиталистическому, а стало быть, квартира не может быть ориентирована на семью. Идея социалистического города воодушевляла архитекторов, многие из которых находились под влиянием конструктивизма, на утопические проекты коллективных жилищ и предсказания гибели семьи как противоречащей социалистическому образу жизни. Принципиальными характеристиками домов-коммун становятся “выделение из

⁴ Это определение принадлежит Р.Стайсу. О домах-коммунах см. в его работе [17].

квартиры функций питания, воспитания детей и стирки” и требование “Каждый должен жить на началах строжайшей регламентации и подчинения правилам внутреннего распорядка” [21].

Жизнь в домах-коммунах предполагала постоянный контроль товарищей, не позволяющий вести осуждаемую тогда “двойную жизнь” – “одно лицо на заводе, в учреждении с коммунистическими фразами на языке, другое лицо, лицо пошлой обывательщины – дома, в семье, в быту” [22]. Вертикальный (через коменданта и различные комиссии) и горизонтальный (товарищеский) контроль позволял “выявлять” несоответствие личности “публичной” личности “домашней”, и с помощью мер общественного воздействия личность человека должна была сводиться к единственной, “публичной”, которая всегда предьявлена для наблюдения и контроля.

Проекты 30-х годов: иерархия пространств и отдельные квартиры

Проектов строительства зданий для домов-коммун создавалось много, но при недостатке инвестиций в строительство реализовалась ничтожная их часть. Попытки осуществить идеи “коллективной жизни” на практике провалились: строительство домов-коммун оказалось делом дорогим, общественные столовые пустовали, в прачечных была очередь на месяц вперед, и семья упорно не разрушалась. Управдом одного из домов-коммун писал, “что мы пока недостаточно воспитаны для коллективного общежития, что в каждом доме-коммуне непрерывная склока из-за пользования кухнями, прачечными и т. д.” [23]. На страницах журналов публиковались пожелания рабочих: строительство квартир в 2-3 комнаты с удобствами и кухней. Уже в 1931 г. признается, что игнорировать “факта современных форм существования семьи, как привычного еще бытового соединения людей” нельзя [24]. И хотя ликвидация частного домохозяйства и семьи остается в проекте построения коммунистического общества, она откладывается на неопределенное будущее, а в настоящем утверждается необходимость строительства жилищ “переходного периода”, где “формы обобществления быта могут проводиться только на основе добровольности” [25].

Разочарованию в “коллективизации быта” способствовала и смена направления в архитектуре: от конструктивизма архитекторы переходят к “сталинскому классицизму”. 30-е годы – время утверждения новой иерархии “пространств и людей”⁵. Изменяется стратификационная система советского общества и состав отдельных социальных групп. Прежде всего речь идет о новых социальных конфигурациях интеллигенции и рабочих [27, 28]. Новая элита и средний класс утверждают в социальной иерархии через овладение ценностями, недоступными большей части населения. Происходит “обуржуазивание” высших слоев советского общества, выражающееся в стремлении вести “культурный образ жизни” [29, 30]. В концепции культуры ценностями являлись семья, классическое образование, классическое

⁵ Анализ этих двух параллельных процессов дан В. Паперным. См.: [26].

искусство, чувство вкуса [31]. Для новой элиты были важны домашний комфорт, потребление, социальный протокол и правила приличия. Изменяется граница между приватной и публичной сферами. В 20-е годы все проявления частного и личного осуждались как контрреволюционные остатки “старого быта”, “мещанства”, “мелкобуржуазности”. В 30-е годы частное (как скрытое) по-прежнему не одобряется, но личная жизнь (семья, индивидуальное потребление) активно пропагандируется [32]. Эти социальные процессы отразились и в жилищной идеологии, и в практике жилищного строительства.

Единые нормы проектирования жилья, утвержденные в 1931 г., делят все жилые дома на четыре категории, где первая категория – здания проспектов и площадей столицы, а четвертая – временное жилье, главным образом, бараки, которые для многих людей стали жильем постоянным. Хотя денег на строительство по-прежнему не хватало, инструкция Главного управления коммунального хозяйства предписывала: “Преобладающим типом для строительства 1931 г. является жилой дом с индивидуальными квартирами” [33]. Объясняется такая директива “изменившимися культурно-бытовыми потребностями трудящихся”. В 1934 г. Президиум Ленсовета внес в “Дополнения к Единым нормам планирования” положение, что основным элементом внутренней планировки жилого дома является индивидуальная квартира, рассчитанная на различный количественный состав семьи [34]. Первый и второй Всесоюзные съезды архитекторов (1937, 1938 гг.) тоже дали установку на строительство малометражных квартир [35].

Отдельная квартира в 30-е годы становится наградой за особые заслуги перед государством. Квартирами награждаются герои сталинской эпохи – стахановцы. На сталинском автомобильном заводе 100 стахановцев получили квартиры уже в октябре 1935 г. (движение началось в августе) [36]. С 1932 г. строятся специальные дома для специалистов. Одним из таких домов должен был стать дом Наркомхоза, спроектированный архитектором Гальпериным в 1937 г. [37]. Этот проект образцово-показательного дома “повышенного типа” прямо противоположен проектам эпохи “коллективизации быта”. Идеальный дом конца 20-х – дом для рабочих, с коридорной системой, отсутствием индивидуальных кухонь и ванн, общественной прачечной, яслями для детей, красным уголком. Проект Гальперина – для элитных специалистов, в каждой квартире которого должны быть кухня, ванная, постирочная, кладовая, сушильный шкаф, комната для домработницы, два входа. “Обеспечение комфорта и культуры жилья” предполагало устройство в туалете биде, туалетного столика, дивана и шкафчика для туалетных принадлежностей. В парадных за входом и выходом жильцов и гостей должны следить швейцары, что подчеркивало высокий статус жильцов и исключительность дома.

Жилищная политика, ориентированная на строительство отдельных квартир и награждение ими отличившихся перед государством, выражала изменение принципов стратификации и закрепление новой социальной структуры (рабочие как привилегированная группа в 20-е годы – элитные специалисты, имеющие заслуги перед государством в 30-е), представлений о

роли личной жизни (отрицание и провозглашение коллективности в 20-е – семейная идиллия под контролем государства и общественности в 30-е), о важнейших требованиях, предъявляемых к жилью (экономичность, рациональность, соответствие нормам в 20-е – комфорт и культурность в 30-е). В идеологическом дискурсе произошла замена идеи коммуны (20-е годы) на идею отдельной квартиры для семьи (30-е), отражая процесс приватизации жизни и закрепления новой элиты. Но это – в “высоком” дискурсе: постановлениях, речах, на съездах, нормативных правилах, передовых статьях и т. п. Если же посмотреть на судебные дела, письма в журналы, полезные советы, инструкции НКВД, почитать воспоминания и поговорить с пожилыми людьми, то здесь и в 20-е, и в 30-е годы “героиней” является коммунальная квартира с ее конфликтами, правилами внутреннего распорядка, перегородками, уплотнениями, уполномоченными, хулиганством, местами общего пользования и т.д.

В 1932 г. дезурбанист Гинзбург отмечал жилищную стратификацию, при которой элита занимала отдельные квартиры, а масса жила в коммунальных: “Мы знаем, что только очень небольшие слои населения в состоянии пользоваться квартирой в три комнаты. Это – высокооплачиваемые круги специалистов и рабочих. Главная же масса населения занимают только одну комнату, и поэтому квартира в три комнаты становится бытовым адом благодаря заселенности ее не менее чем тремя семьями” [38]. К концу 30-х годов даже среди рабочих, идеологически привилегированного класса, только 25% имели отдельную квартиру [39].

Каким образом коммунальные квартиры, которые не были идеологическим проектом и рассматривались как временное зло, стали самым распространенным типом жилья в довоенном Ленинграде?

Появление коммуналки

По идеологическому проекту должно было произойти количественное и качественное перераспределение пространства. Однако, эти постановления Советской власти не торопились выполнять ни “уплотняемые”, ни “вселяемые”. В марте 1918 г. в газете сообщалось, что “буржуи жулят на все лады. Дабы обезопасить свои жилища от вторжения “рабочей сволочи”, выдумывают несуществующих жильцов, приписывают себе всех своих родных, знакомых” [40]. В мемуарах многих представителей интеллигенции того времени встречаются упоминания о страхе перед комиссией по уплотнению⁶. Люди, называемые “бывшими людьми”, стремились защитить свой дом и свою частную жизнь, а если уж уплотнение было неизбежно, то они выбирали в качестве соседей представителей своей среды. Рабочие, в чьих интересах проводилась эта акция, тоже не спешили с переездом. Устраивались митинги за переезд рабочих, на которых лучшие ораторы партии убеждали их воспользоваться правом занять квартиры “во имя здоровья и благополучия

⁶ См. цитаты в публикации [41].

своих детей” [42]. Но по нескольким причинам переезд казался рабочим ненужным. Во-первых, по экономическим соображениям: переезд в огромные барские комнаты означал большие расходы на дрова, да и подвода для перевозки мебели стоила непомерно дорого. Во-вторых, переезд сулил психологический дискомфорт, вызываемый непривычностью большого пространства, обилием незнакомых вещей и оборудования, с которым не умели обращаться, сожительством с “бывшим” – резким сокращением физической дистанции при еще сохраняющейся социальной. Переехавшие часто выбирали из всех комнат бывшие людские, и, видимо, не только потому, что маленькую комнату было легче отопить, но и потому, что комната без роскошной лепки на потолке и камина была для них привычнее. В-третьих, рабочих не устраивал центр города как место жительства: нужно было совершать длительные поездки до фабрик и заводов, находящихся на окраинах; многие рабочие держали на окраинах огороды, а иногда и скот, чего нельзя было представить в центре.

К апрелю 1919 г. Центральная жилищная комиссия Петрограда вселила около 36 000 рабочих и членов их семей [43]. Чтобы сэкономить на дровах во время топливного кризиса зимы 1919-1920 годов, было решено выселять “бывших” из квартир с центральным отоплением, и вселять рабочих. Выселяемые “бывшие” и квартиранты обязывались в течение 10 дней найти другие “буржуазные квартиры, которые должны быть в целях экономии уплотнены” [44]. В случае, если у переселенной буржуазной семьи окажутся лишние комнаты, то “туда будут вселены другие буржуазные семейства” [45]. В октябре 1920 г. в Петрограде учреждаются районные тройки по уплотнению, перед которыми стояла задача, с одной стороны, как можно больше уплотнить жилье, с другой – соблюдать санитарную норму [46]. При этом хозяевам квартир давался двухнедельный срок для “подыскания себе сожителей” – так называемое “право на самоуплотнение”, и только если оно не использовалось, излишки заселялись принудительно. Это означает, что в случае такого переселения социальный состав отдельных квартир мог оставаться однородным, хотя уже тогда были случаи “бытового мезальянса” – сожительства бывших богатых хозяев квартиры и вселенных пролетариев.

В 1923 г. при переписи населения все еще продолжало считаться нормой проживание в квартире одной семьей, хотя фактически в Ленинграде 48,4% квартир были заняты одной семьей [47]. Таких квартир было больше в рабочих районах, потому что квартиры там были малометражные. В 1926 г. только 23,81% семей жили в отдельных квартирах [48]. Но жили в собственно “коммунальных квартирах” из оставшихся 76% немногие. Дело в том, что во время НЭПа в Петрограде часть квартир была отдана в единоличную аренду и пожизненную собственность бывших хозяев и купивших квартиры с торгов. Существование института квартирохозяев дало возможность местным советам сохранить жилой фонд от разрушения и регулярно получать квартплату, несмотря на низкий уровень доходов населения. Квартирохозяева занимали в квартирах одну или несколько комнат, а остальные сдавали. Жильцы подбирались по принципу личной симпатии, но при этом учитыва-

лась ставка квартплаты, положенная для разных категорий. По этим ставкам квартирохозяин вносил плату в домоуправление, а разница между полученной от жильцов и внесенной, составляла неплохой доход. Некоторые квартирохозяева не только оплачивали свою площадь за счет жильцов, но и жили на эти средства. Такая система действовала подобно доходным домам дореволюционного Петербурга. В 1926 г. в эти отношения было вовлечено более половины населения Ленинграда⁷. Дома, которые были муниципализованы и остались в распоряжении коммунальных делов, а не арендовались товариществами или единоличниками, получили название коммунальных. Комнаты, принадлежащие Тресту коммунальных домов, предоставлялись только местными советами, и для получения жилплощади нужно было встать на очередь. Во главе коммунального дома стоял назначаемый управдом. Скорее всего, именно от «коммунальных домов» произошло и понятие «коммунальные квартиры». В 1927 г. в распоряжении Треста коммунальных домов находилось 301 здание с населением 47 тыс. человек [51]. Тогда «коммунальная площадь» оценивалась как самая худшая форма жилья. Постоянные ссоры соседей, вечная грязь, сломанное оборудование, «запах пирога заменяется запахом уборной», «жильцов в уборную водит управдом» — таковы описания этих квартир [52]. Состояние коммунальных квартир характеризуется как «неудовлетворительное», делается вывод, что «опыт коммунальных квартир показал всю жизненную нецелесообразность их сохранения» [53].

В середине 20-х годов в ленинградской периодике термин «коммунальная квартира» начинает использоваться и в более широком смысле — как обозначение квартир, в которых нет квартирохозяина, т. е. владельца или единоличного арендатора квартиры, который имел право сдавать комнаты по своему усмотрению и вносил плату за всех жильцов квартиры, определяемой по социальному положению жильцов. В квартирах жилищных товариществ обязанность общего наблюдения за сохранностью квартиры была возложена на квартирному уполномоченного, избираемого жильцами или назначаемого домоуправлением. В 1926-1928 годах начинается дискуссия о необходимости сохранения квартирохозяев. Институт квартирохозяев противоречил интересам жилищных товариществ, которые являлись основной формой домоуправления в 20-е годы, мешал осуществлять политику распределения жилья, выгодную для властей, и нарушал «классовый принцип» в обращении с жильем. Со сворачиванием НЭПа в институте квартиронанимателей начинают видеть «сохранение капиталистических элементов», идеологическое несоответствие политическому курсу, и встает вопрос об объявлении всех «хозяйских» квартир коммунальными. Как это происходило, описывается в статье под названием «Хозяйка». Проживающая на улице Герцена (Большая Морская) сотрудница русского музея Митропольская числится хозяйкой квартиры общей полезной площадью 233 кв. м. Из них она

⁷ Численность населения Ленинграда на 1 января 1927 г. составляла 1 618 600 человек [49]. По данным 1926 г. квартирнанимателей было 197 548 человек, комнатных жильцов — 668 990 [50].

сама занимала 34 кв. м., а остальные сдавала. “Освободившимися комнатами “хозяйка” распоряжалась как своей собственностью, очень мало считаясь с правлением дома и интересами членов ЖАКТа”. В квартире освободилась комната, правление хотело предоставить ее кому-нибудь из своих членов. Но Митропольская прописала в эту комнату свою сестру, а потом сдала ее “постороннему жильцу”. Правление подает в суд. Суд лишает Митропольскую прав на квартиру и объявляет ее коммунальной [54]. С 1929 г. все освобождающиеся помещения заселяются по распоряжению домоуправлений. Квартирохозяева заменяются ответственными, назначаемыми съемщиками [55], а квартиры становятся коммунальными. О таком происхождении ленинградской коммунальной квартиры рассказывают и в интервью: “На Пионерской (улица в центре Ленинграда. — Е.Г.), там когда-то в этой квартире жили хозяева, но потом, когда уже стали расселять, мой брат, ... он приехал в 1926 году, он эту комнату снял как бы. ... Наверное, когда хозяев не стало, тогда стали коммунальные квартиры. Они раньше сдавали эти квартиры, они же деньги получали. А потом уже перешло это... коммунальные стали” (информант 1914 года рождения, приехала в Ленинград в 1931 г., из рабочей семьи)⁸.

Образованию новых коммуналок и уплотнению уже существующих способствовало уменьшение нормы санитарной площади на человека. В 1926 г. норма в Ленинграде еще составляла 13,5 кв. м., в 1928 г. была уменьшена до 10, а в 1931 — до 9, что означало необходимость “уплотняться по норме” — либо прописывать к себе кого-то, либо переезжать в меньшую комнату, либо производить перепланировки. Образовавшиеся в результате “лишние” комнаты заселялись домоуправлением. Жилищные условия ленинградцев продолжали ухудшаться, а коммунальные квартиры принимали все новых и новых жильцов.

Проанализировав жилищную ситуацию в 20-30-е годы, можно сделать вывод, что большевистский проект решения жилищного вопроса оказался нереализованным: ему сопротивлялись и люди, и структура города, и здания. На этом примере видно, как трансформировались идеологические проекты на практике, как стратегия власти была воспринята и переработана в повседневности. Хотя вариант совместного проживания нескольких семей в одной квартире предусматривался властями, он не расценивался как соответствующий идеологической модели и основной тип расселения. Появление коммунальных квартир зависело от множества факторов, которые совпали во времени и произвели незапланированный эффект. Назовем наиболее важные: 1) центр города был застроен домами с многокомнатными большими квартирами; 2) приоритеты государственной политики (подъем промышленности, военизация) не позволяли выделять достаточно средств для жилищного

⁸ Интересно, что рассказчица из рабочей семьи, брат которой приехал в Ленинград из провинции, говорит о “расселении”, а не уплотнении, что демонстрирует разницу в восприятии одного и того же процесса у людей, находящихся в разном социальном положении.

строительства; 3) большая миграция в город создавала проблемы с расселением приезжих и приводила к уплотнениям; 4) противопоставление социализма капитализму должно было означать, что в СССР способ обращения с жильем существенно отличается от капиталистического, что привело к огосударствлению жилого фонда и права распоряжения им; 5) концепция жилплощади позволяла распределять жилье независимо от семейного и социального статуса жильцов и конфигурации квартиры и поселять в одной квартире чужих людей.

Если включать в понятие коммунальной квартиры такие характеристики, как проживание нескольких квартиросъемщиков, государственная собственность на эту жилплощадь, невозможность влиять на выбор соседей, разнородный состав жильцов, распределение жилплощади по нормам, установление извне правил внутреннего распорядка, горизонтальный и вертикальный контроль, то такая – “классическая” – коммунальная квартира стала в Ленинграде самым распространенным типом жилья в 30-е годы. Коммуналки не вписывались в идею “социалистического города”. Их существование не согласовывалось с “постоянным улучшением материального и культурного уровня трудящихся”, провозглашенным коллективизмом, “социалистическим образом жизни”. Однако непреднамеренность появления коммуналок как основного типа расселения не означала, что это не будет использовано властью для достижения политических целей. Как отмечает С. Коткин, изучавший жилищные условия в Магнитогорске, в процессе выработки новых правил жилье было важной ареной, на которой определялись взаимоотношения между государством и индивидом, создавалась ткань повседневной жизни, строился новый микропорядок [56]. Социальный и политический контроль сводился к расселению в одном пространстве чужих людей, взаимоотношения которых необходимо было регулировать извне. Для этой цели вводился статус ответственных уполномоченных, которые наблюдали за соблюдением правил прописки и поведением жильцов, санитарным содержанием квартиры. Для регулирования отношений внутри квартиры использовались “Правила внутреннего распорядка в домах и квартирах”, утверждаемые НКВД [57]. В Ленинграде правила внутреннего распорядка в коммунальных квартирах утверждались Президиумом Ленсовета. Для проверки соблюдения этих правил в коммунальных домах предлагалось ввести, кроме уполномоченных, наблюдательные комиссии [58]. С утверждением положений об ответственных уполномоченных и правилах внутреннего распорядка в коммунальных квартирах вводилась индивидуальная ответственность за выполнение установленных правил всеми жильцами, горизонтальный контроль (соседа за соседом) дополняется вертикальным, и наблюдение становится несимметричным (хотя стороны видят друг друга, но один обладает большей властью). Уполномоченный несет ответственность перед домоуправлением и административными органами. Среди правил внутреннего распорядка – обязанность “своевременно представлять ответственному по квартире уполномоченному правильные и точные сведения о своем положении и заработке, а равно и о всех изменениях в этом отношении” [59].

В 1933 г. в рамках общего направления борьбы с обезличкой и безответственностью вводится единоначалие упрадома в домах, а “в целях установления действительной персональной ответственности за состояние жилых помещений и мест общего пользования в квартире” учреждается институт ответственных квартиросъемщиков, которые должны следить и за соблюдением правил внутреннего распорядка [60]. Ответственный квартиросъемщик назначался домоуправлением, и с ним заключался письменный договор. Все съемщики комнат в определенный срок должны были выдать ответственному квартиросъемщику обязательства, в которых предусматривалась обязанность жильцов “подчиняться требованиям ответственного квартиросъемщика в отношении соблюдения порядка в квартире, сохранности квартирного оборудования, содержания и ремонта” и т.д. Ответственные квартиросъемщики могли вызывать жильцов на товарищеский суд, требовать выселения через нарсуд жильцов, портящих оборудование квартиры, или нарушителей порядка. Эти уполномоченные получали преимущественное право перед другими жильцами дома занимать освобождающиеся комнаты, могли раз в три года ремонтировать свои комнаты за счет домоуправления.

Таким образом создаются предпосылки для доноительства, которое станет массовым после убийства Кирова в 1934 г. Возможность улучшить свои жилищные условия за счет соседей подталкивала людей к добровольному доноительству и участию в “выявлению” врагов народа. Одна из жительниц довоенного Ленинграда рассказала, что ее тогдашняя соседка, бывшая владелица квартиры, была директором детской музыкальной школы. Женщина, дававшая интервью (которая тогда была ответственным партийным работником), на вопрос, доносили ли соседи с целью получить дополнительную жилплощадь, ответила так: “По-моему, да. Потому что вопрос о жилье был самым острым вопросом. И это заставляло. Екатерина Павловна [бывшая хозяйка] очень боялась этого – что вот подселили, кто я такая, что я такая? Очень боялась, чтобы я не донесла. Когда в райкоме утверждали ее директором, я дала положительную характеристику (...) Я помню, когда меня в райком вызывали несколько раз (все-таки директор школы, из “бывших”), я давала всегда положительную характеристику” (информант М.И., 1914 года рождения, приехала в Ленинград в 1927 г., среднее образование). В такой ситуации было вполне возможно оклеветать человека из зависти, отомстить за то, что “бывшая” смотрит свысока, за ссоры на кухне. Подобные вызовы в райком провоцировали людей на доносы, предоставляя шанс увеличить жилплощадь.

Соседство

Во время жилищного передела и НЭПа “бывшие” и “нынешние” пытались сохранить пространственную сегрегацию. Когда к концу 20-х годов почти всех расселили по коммуналкам, тогда, особенно для “бывших”, важным стало поддержание символической дистанции. В коммунальных квартирах, населенных людьми, принадлежавшими к разным классам, шла повсе-

дневная работа по поддержанию границ. В одной дворянской семейной истории описывается, каким образом поддерживалась символическая дистанция между “бывшими” и “трудящимися” жильцами при невозможности сохранять физическую. Сам стиль жизни и организация повседневности у сестер-дворянок воспроизводили старую социальную структуру, поддерживая социальную дистанцию. Даже живя в коммунальной квартире, дворянки старались не делать “людскую работу”, которую выполняли служанки, проживавшие в этой же квартире, ходили в пеньюарах, делали “омовения огуречной водой или водой из лепестков роз”, создавали “персональный уют” на кухне: “День у сестриц начинался очень поздно, около двенадцати. Потом еще полдня занимали утренние кофеи. В советское время такой распорядок производил странное впечатление. Иногда Н.А. устраивалась со своим кофе на коммунальной кухне. На кончике длинного общего стола постилась белая салфетка. На нее ставилась чашка, тарелочка, масло, сахар и т.д.” [61]. В интервью люди рассказывали о случаях, когда в одной квартире происходила социальная сегрегация. В одном случае, когда в квартире существовало две среды – “простая” и “интеллигентская”, информантка из “простой” среды ничего, кроме имен и профессии, не знала о своих соседях – профессорах и даже никогда не была “на их половине” квартиры. При сожительстве “бывших” и “нынешних” между ними мог установиться символический обмен – “новые” предоставляют политическое прикрытие для “бывших” (положительную характеристику в райкоме) и помощь в быту, а “бывшие”, обладающие культурным капиталом и цивилизационными навыками, воспитывали “рабочих”, которым эти навыки были нужны для успешной советской карьеры.

Цитата из приводившегося выше интервью: “Екатерина Павловна – очень образованный и очень добрый человек. Она хорошо очень ко мне относилась. Ну, и я помогала ей чем могла в работе. Она ничего не умела: всю жизнь – прислуги. Так что она даже обед готовить не умела. (...) Ну, неприспособленная. Видимо, она и родом была... Я очень много у нее переняла, благородства много” (информант М.И., 1908 года рождения, приехала в Ленинград в 1928 г., из семьи мелких кустарей, в 1930-е сделала партийную карьеру).

Годы первой пятилетки отмечены тем, что индустриализация и коллективизация деревни привели к росту миграции в города. За годы первой пятилетки Москва и Ленинград приобрели по 3,5 миллиона новых жителей [62]. Мигранты принесли с собой “внутренние правила” – классовую солидарность, представительство индивида через семью, отсутствие приватности, то, что М. Левин называет коммунальным порядком [63]. Из всех приехавших в Ленинград в 1931 г. выходцами из городов было только 18,3% [64]. Приезжими уплотняли центр. Если в 1926 г. в центре города проживало 21, 5% рабочих, то в 1932 году – 60% [65]. Коммунальные квартиры, и до этого уже отличавшиеся разнородным социальным составом жильцов, приняли на свою территорию вчерашних крестьян. С одной стороны, коммунальная жизнь с ее круговой порукой, слабо выраженной границей между приватным и публичным, репрезентацией семьи в сообществе через одного из членов

должна была быть близка “новым ленинградцам”. С другой стороны, коммунальная квартира не представляла собой общины, это была часть городского общества. В коммунальной квартире “деревенские” учились городской жизни. Коммунальные квартиры были институтом социализации нанимавшихся в прислуги деревенских девушек, молодежи, приехавшей учиться в ФЗУ, молодых рабочих, которые нередко снимали комнаты или углы, а семейные получали комнаты от предприятий.

Бытовая дисциплина

По материалам 20-х годов складывается впечатление, что конфликты были постоянным спутником коммуналок. Такое представление о коммунальных квартирах отразилось и в литературе 20-х годов. Приведу одно описание московской коммунальной квартиры, взятое из романа Пантелеймона Романова “Товарищ Кисляков”. Население описываемой квартиры состояло из 27 человек. Две трети семей были интеллигентские, треть — “пролетариат”: “В смысле отношений между жильцами это была не квартира, а пороховой погреб. Не проходило ни одного дня, чтобы в том или другом месте порох не взрывался, так как все держали его сухим. ... Предлоги для взрыва являлись сами собой на каждом шагу. Во-первых, та же уборная: с утра около нее выстраивалась целая очередь торопившихся на службу граждан, причем некоторые выказывали особую нетерпеливость, и не успевал очередной войти и затвориться, как через минуту уже десяток кулаков стучали в дверь и напоминали ему, что он не у себя в гостиной. ... Следующим пунктом раздоров была кухня, где с самого утра, как на хорошей фабрике, шла работа, шумели разом штук шесть примусов. ... Тут схватки были почти ежеминутные — из-за посуды, из-за пролитых помоев. ... Но главной причиной раздоров всегда была грязь в квартире, которую никто не хотел убирать, производящийся ремонт в местах общего пользования. Если только кого захватывали на месте преступления, тогда заставляли убирать насорившего. А если было неизвестно, кто насорил — сор так и оставался. ... Потом не проходило и дня, чтобы что-нибудь не пропало у того или иного из жильцов. ... Наконец, как меру против грязи и пропажи вещей, установили дежурство в квартире, которое должен был отбывать каждый жилец по очереди” [66].

В этом отрывке отмечено несколько важных аспектов организации жизни в коммунальной квартире. Необходимость разделять одно пространство и пользоваться одними и теми же вещами требовала установления очередности, т. е. в коммунальной квартире создавался особый режим времени, не характерный для домашней жизни, а, скорее, свойственный публичному пространству. “Живая” очередь лишает отдельного человека даже телесной автономии. Нужно было быть постоянно готовыми к защите “своего” и своих прав, но в то же время следить за поведением других, чтобы “застать на месте преступления”. Одна из интервьюируемых рассказывала, что ее соседка, бывшая хозяйка квартиры, проверяла, в каком виде оставался унитаз после посещения его “подселенными”. И если находила его грязным, то могла пуб-

лично высказать свои замечания нечистоплотному жильцу. “Все знали, что она проверяет, и все старались, ну, чтоб чисто...”

Период конфликтов и совместной выработки правил общежития был необходим на этапе становление такой социальной организации, как коммунальная квартира. Люди, никогда раньше не жившие вместе, путем проб и ошибок, разбирательств в нарсуде и компромиссов пытались наладить порядок повседневной жизни. Народные суды Ленинграда были так переполнены жилищными делами, что было образовано отдельное подразделение – жилищная камера. В 1928 г. 35% исков в жилищной камере было подано по поводу выселения из-за невозможности совместного проживания, 31% – выселения за неуплату, 34% – смешанные. Для решения мелких жилищных конфликтов в 1927 г. были созданы примирительно-конфликтные комиссии [67].

В 1932 г. наряду с “трудовой дисциплиной”, “самодисциплиной”, “партийной дисциплиной” появляется “бытовая дисциплина”, регулирующая течение повседневной жизни [68]. Она включала правила, являющиеся сейчас само собой разумеющимся практически в каждой коммунальной квартире, и направленные на поддержание порядка в нескольких смыслах: очередности (приготовления пищи, дежурства, пользования местами общего пользования); интеракционного порядка (взаимоотношения с соседями); санитарии и гигиены (ежедневная уборка, мытье полов раз в 5-6 дней, содержание кухни и посуды в чистоте); административного (соблюдения правил прописки); режима (соблюдение тишины с 12 ночи до 8 утра); справедливости (долевое участие в расходах по ремонту, оплата каждым проживающим или семьей электричества по количеству используемых лампочек и т.д.), структурного – ответственный квартиросъемщик, представители семьи. Утвержденные правила, скорее всего, были лишь кодификацией выработанных “практик”, которые позволяли не только применять к нарушителям меры общественного воздействия, но и привлекать их к административной ответственности вплоть до выселения.

В 30-е годы атмосфера коммунальных квартир становится более спокойной. Более того, многие жители тогдашних коммуналок говорят о том, что отношения между соседями были вполне нормальными, а иногда даже дружескими или “родственными”.

Приватность в коммунальных квартирах

В коммунальной квартире физической границей между частным пространством и пространством публичным является дверь комнаты, а символической – тайны и секреты. Плохая звукоизоляция (перегородки ставили подешевле), возможность постоянного вторжения, отслеживание соседями посетителей, часто отсутствие “своего угла” из-за проживания в одной комнате целой семьи делали даже эти границы очень зыбкими и создавали скорее иллюзию приватности⁹.

⁹ О приватности в коммунальных квартирах см. также [69, 70].

Отрывок из мемуаров бывшей дворянки, описывающей жизнь ее семьи в 30-е годы: "Все мы жили тогда в коммуналках. Это было очень тяжело. Не говоря уже о соседях, которые были всякие люди – иногда хорошие, – но все-таки чаще всего просто очень чужие и даже чуждые, каждый со своим понятием, что такое хорошо и что такое плохо. Но даже и невзирая на соседей очень трудно жить, когда целая семья (иногда большая) помещается в одной комнате. Практически это приводит к тому, что зять вынужден снимать штаны при теще, дети слушать то, чего они не должны слышать, и учить уроки под занимательный разговор бабушки с соседкой или родственницей. Плохо и среднему поколению. Нельзя ничего сказать друг другу – ласковое или сделать упрек, чтобы он не стал достоянием бабушки и детей..." [71]. Выходом из подобной ситуации было внутрикомнатное зонирование – занавески, шкафы, разделяющие комнату на "детский угол", "спальню", "столовую". Одна женщина рассказывала, что они с братом жили в одной комнате, и когда брат женился, то она несколько дней ночевала у соседней, чтобы оставить молодоженов одних в комнате. Модель приватности, реализующуюся в коммунальных квартирах, можно назвать "личной жизнью на людях". В этом случае соединяются характеристика дома-коммуны, в которой ведется "жизнь на людях", и ассоциация отдельных квартир с личной, семейной жизнью. Автор статьи "Проблема дома" еще в 1928 г. констатирует симптомы будущего "великого отступления" от идеи коллективизма и тенденцию "обуржуазивания" в коммунальных квартирах: "И вот теперь на 12 году величайшей в мире революции будто бы по требованию рабочих строим мы новые дома ... и заселяем их отдельными семьями, но ввиду большого спроса на жилище и растущего все время жилищного кризиса, нередко впускаем в одну квартиру 2-3 семьи, имея в виду, что иначе произошло бы самовольное неорганизованное заселение... В 100 отдельных квартирах индивидуально налаживается своя жизнь, возрождается мещанский быт, заводятся герань и кисейные занавески, производится стирка белья, хозяйка прикована к своей плите..." [72]. Это показывает возможность сочетания, хотя и специфического, личной, семейной и коммунальной жизни. С одной стороны, там живут семьями, "культурно потребляют", создают уют, с другой – через установление правил внутреннего распорядка и необходимость сожительства с чужими людьми, которое регулируется извне, приватная жизнь фактически контролируется.

Заключение

К середине 30-х годов коммунальные квартиры уже расцениваются не как "худшая форма жилплощади", а как тип жилища, выгодный по многим соображениям и уже приспособленный для жизни. Когда практически все вокруг живут в коммунальных квартирах, такие условия тем более воспринимаются как норма. Старожилы говорят, что коммунальные квартиры "испортились" после войны, когда новый приток рабочей силы на восстановление Ленинграда был настолько велик, что культура города не смогла

противостоять этому напору и ассимилировать приезжих¹⁰. Совсем “ужасными” коммуналки становятся в 60-е годы, когда появляется реальная альтернатива – отдельные квартиры – не только для элиты, но практически для всех слоев населения.

Не получали отдельных квартир, в основном, одинокие, работающие в бедных организациях, не строящих своего жилья, госслужащие, стоящие в очереди по 10-15 лет. Социальный состав коммунальных квартир пополнялся “лимитчиками”, для многих из которых коммунальная квартира была лишь временным жильем, потому что, работая в сферах производства, где проводился набор по лимиту (строительство, промышленность, городское хозяйство), они имели больше шансов на быстрое получение квартиры. Это изменило атмосферу коммунальных квартир и еще больше снизило их символический статус. Однако многие, переезжая в “хрущевки”, вместе с огромной радостью испытывали чувства потери и неопределенности: с кем теперь делиться радостями и горестями, нет приятного ощущения, что “всегда кто-то дома” и “всегда помогут”. Особенно это характерно для людей, выросших в коммунальных квартирах и покинувших их уже в зрелом, а то и пожилом возрасте. Для них коммуналка – часть их жизни, их молодости, их семьи, их представлений о мире.

Конечно, жизнь в коммунальных квартирах изменилась со времен распада советской системы. Перестал работать политический контроль, нет партийных санкций на вмешательство в личную жизнь соседей, не приходят участковые, обязанности квартуполномоченных свелись к оплате общих счетов, никто не дает звание “квартира образцового содержания и быта”. Но сосуществование разных семей в коммунальных квартирах, представляющих собой не только часть старой жилищной системы, но и вынуждающих воспроизводить некоторые формы повседневной жизни советского общества, продолжает оставаться значимым элементом в социальном устройстве современных крупных городов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радаев В.В., Шкартан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.
2. Giddens A. The class structure of the advanced societies. London: Hutchinson, 1981.
3. Scott J. Stratification and power. Structures of class: Status and command. Cambridge: Polity Press, 1996.
4. Elias N. Die Hoefische Gesellschaft: Untersuchungen zur Soziologie des Koenigstums und der hoefischen Aristokratie. Frankfurt/M: Suhrkamp, 1989. S. 68-102.

¹⁰ О.Е. Трущенко пишет о “пролетаризации” центра Москвы в 60-70-е годы как следствии смены состава жильцов коммунальных квартир. Вероятно, подобные процессы проходили и в Ленинграде [73].

5. *Bourdieu P.* The Kabile house or the world reversed // *Bourdieu P.* The logic of practice. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 271-283.
6. A history of private life. Vol. II-IV / Ed. by Ph. Aries, G. Duby. London: The Belknap Press, 1989.
7. *Лебина Н.* Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир... // Родина. 1997. № 1. С. 16-21.
8. *Семенова В.* Равенство в нищете: Символическое значение "коммуналок" в 30-50-е годы // Судьбы людей: Россия XX век. М: Институт социологии РАН, 1996. С. 373-390.
9. *Воут S.* Common places: Mythologies of everyday life in Russia. Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1994. P. 120-150.
10. Час пик. 1997. 7 февраля.
11. Смена. 1997. 11 марта.
12. Декрет ВЦИК об отмене права частной собственности на недвижимости в городах. // Жилищное законодательство. М.: Издание Н.К.Х, 1924. С. 3-5.
13. *Черных А.И.* Жилищный передел: политика 20-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. 1995, № 10. С. 71-78.
14. *Энгельс. Ф.* К жилищному вопросу // Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Т. 15. М.: Изд-во полит. лит., 1935. С. 19.
15. *Ленин В.И.* Полн. соб.соч. Т. 54. М.: Изд-во полит. лит., 1965. С. 380-381.
16. *Степанов В.* Перенаселенность квартир // Жилищное дело. 1924. № 2. С. 17-18.
17. *Stites R.* Revolutionary dreams: Utopian visions and experimental life in the Russian revolution. Oxford: Oxford University Press, 1989.
18. Образцовые дома // Красная газета. 1919. 3 июня. С. 3.
19. *Кожаный П.* Жилищное строительство и новый быт // Жилищная кооперация. 1924. № 5. С. 4.
20. Постановление ЭКОСО РСФСР о регулировании жилищного строительства... // БФХЗ. 1927. № 15. С. 540.
21. Жилищное товарищество. 1927. № 29. С. 5-6.
22. Партийная работа в ЖАКТах // Жилищное дело. 1928. № 3. С. 4.
23. Жилищное дело. 1925. № 3. С. 9.
24. Вопросы коммунального и жилищного хозяйства. 1931. № 6. С. 7.
25. За социалистическую реконструкцию городов. 1933. № 4. С. 15-21.
26. *Паперный В.* Культура Два // Новое литературное обозрение. 1996. С. 100-143.
27. *Fitzpatrick Sh.* The cultural front: Power and culture in revolutionary Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992. P. 11.
28. *Kuromiya H.* Stalin's industrial revolution: Politics and workers, 1928-1932. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 302.
29. *Timasheff N.* The Great retreat: The growth and decline of communism in Russia. New York: Dutton and Co, 1946.
30. *Dunham V.* In Stalin's time: Middle-class values of Soviet fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

31. Волков В.В. Концепция культурности, 1935-38 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1-2. С. 194-214.
32. *Kharkhordin O.* Reveal and dissimulate: A genealogy of private life in Soviet Russia // Public and private in thought and practice: Perspectives on a Grand Dichotomy / Ed. by J. Weintraub, K. Kumar. Chicago: The University of Chicago Press, 1997. P. 333-365.
33. Инструкция ГУКХ при СНК РСФСР № 64 от 7 апреля 1931 г. // БФХЗ. 1931. № 17. С. 43-45.
34. Комаров А. Жилые ячейки Ленпроекта // Архитектура Ленинграда. 1937. № 2. С. 54-59.
35. Бродович Н. Малометражные квартиры // Строительство Ленинграда. 1938. № 3. С. 28-34.
36. *Siegelbaum L. H.* Stachanovism and the politics of productivity in the USSR, 1935-1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 188.
37. Гальперин В.М. Образцово-показательный жилой дом Наркомхоза // Архитектура Ленинграда. 1937. № 2. С. 46-53.
38. Против фальсификаторов и вульгаризаторов // Сорегор. 1932. № 1. С. 25-27.
39. О праве каждого на самоуплотнение // Вечерний Петербург. 1997. 1 августа.
40. Квартиры спасают от бездомных // Красная газета. 1918. 6 марта. С. 3.
41. Лебина Н. Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир... // Родина. 1997. № 1. С. 16-21.
42. Дома-рабочим // Красная газета. 1918. 28 августа.
43. Старожилы П. Черепаший ход // Красная газета. 1919. 4 апреля.
44. Переселение в буржуазные дома // Красная газета. 1919. 5 сентября.
45. Болотин А. Переселение в буржуазные дома // Красная газета, 1919. 11 сентября.
46. О районных тройках по уплотнению // Известия Петросовета. 1920. 20 октября.
47. Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Вып. 6. Л., 1925. С. 110.
48. Бишток В. Дома и квартиры Ленинграда и Ленинградской области по переписи 17 декабря 1926 года // Бюллетень Ленинградского Облстатотдела. 1929. № 22. С. 57.
49. XV лет диктатуры пролетариата: Экономико-статистический сборник по гор. Ленинграду и Ленинградской области. Л.: Изд. Облсполкома и Ленсовета. 1932. С. 97.
50. Жилищное дело. 1926. № 14-15. С. 8.
51. Жилищное дело. 1927. № 14. С. 39.
52. Наказ к наказаниям всех комиссий по выработке новой квартирной платы // Жилищное дело. 1926. № 14-15. С. 33-36.
53. Жилищное дело. 1926. № 7. С. 22-24.
54. Жилищное дело. 1928. № 1. С. 39.

55. Права и обязанности съемщика // Жилищное дело. 1929. № 14. С. 15.
56. *Kotkin S.* Magnetic mountain: Stalinism as civilization. Berkley: University of California Press. 1995. P. 160, 193.
57. Жилищное дело. 1927. № 3. С. 13.
58. Жилищное дело. 1928. № 2. С. 14.
59. Положение об ответственных уполномоченных и правилах внутреннего распорядка в коммунальных квартирах // Жилищное дело. 1929. № 1. С. 8.
60. О мерах по улучшению управления домами в г. Ленинграде // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1933. Вып. 26. С. 1-10.
61. *Зворыкина Н.Ф.* Записки (неопубликованная семейная история). 1984.
62. *Lewin M.* The making of the Soviet system: Essays in the social history of interwar Russia. London: Methuen. 1985. P. 218. 63.
63. *Lewin M.* The Gorbachev phenomenon: A historical interpretation. Berkeley: University of California Press. 1988. P. 35-37.
64. Статистический справочник по г. Ленинграду и Ленинградской области. Л.: Изд. Облсполкома и Ленсовета. 1932. С. 12.
65. XV лет диктатуры пролетариата. Экономико-статистический справочник. Л.: Изд. Облсполкома и Ленсовета. 1932. С. 124.
66. *Романов П.* Товарищ Кисляков // Светлые сны. М.: Московский рабочий, 1990. С. 302-303.
67. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об организации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам // БФХЗ. 1927. № 16. С. 567-568.
68. Обязательные правила ухода за жилищем и внутреннего распорядка в квартирах // Жилищная кооперация. 1932. № 21-24. С. 44-47.
69. *Boyt S.* Common places: Mythologies of everyday life in Russia. Cambridge, London: Harvard University Press, 1994. P. 121-150.
70. *Kotkin S.* Magnetic mountain: Stalinism as civilization. Berkley: University of California Press. 1995. P. 170-179.
71. *Зворыкина Н.Ф.* Записки (неопубликованная семейная история). 1984.
72. *Измайлов В.* Проблема дома // Жилищное дело. 1928. № 22. С. 8.
73. *Трущенко О.Е.* Престиж центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. С. 92-100.